

А. Г. Шарафутдинова

**СЛОЖНЫЕ ИМЕНА И ГЛАГОЛЫ ИРАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ИХ ОТНОШЕНИИ К ПРЕПОДАВАНИЮ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА (лингводидактический аспект)**

*Работа представлена кафедрой филологии
Академии управления «ТИСБИ» Набережночелнинского филиала.*

В статье представлена авторская интерпретация положений, применяемых к образованию имен и глаголов словосложением, подчеркнута необходимость исследования проблемы методами и приемами палеолингвистики, с охватом цельноформленных и затемненных композитов, в контексте исторических связей языков разных семей.

Ключевые слова: языковые контакты, палеолингвистика, лексика, заимствование, субстрат, пиджин, креол.

A. Sharafutdinova

**COMPOUND NAMES AND VERBS OF IRANIAN ORIGIN IN RESPECT
TO TEACHING GRAMMAR AND VOCABULARY OF THE TATAR LANGUAGE
(LINGUODIDACTIC ASPECT)**

The author of the article presents her interpretation of statements applied to forming of names and verbs by means of compounding. She also underlines the necessity to research the problem by means of paleolinguistics involving integral and opaque composites in the context of historical connections of languages belonging to different families.

Key words: language contacts, paleolinguistics, vocabulary, borrowing, substratum, pidgin, Creole.

Как известно, сложными принято называть слова, образовавшиеся словосложением как одним из способов словообразования, состоящим в морфологическом соединении двух или более корней (основ) [1, с. 469].

В соответствии с целями и задачами своего исследования на тему: «Ранние тюркско-иранские языковые связи (на материале контактов лексики и морфологии татарского и таджикского языков)» подобные композиции мы рассматриваем путем изучения их современного состояния в ретроспективе, стараясь обозреть то, что могли представлять из себя они и их части в прошлом в контактировавших ранее языках. Для этого как современные, так и удаленные от них (более или менее древние) элементы делим на исконные и заимствованные, заимствования в свою очередь – на явные (очевидно, прозрачные) и скрытые (затемненные) по структуре;

их же частеречным подходом относим к именным или глагольным классам, глагольные – к особо завуалированным и нуждающимся в специальном изучении случаям полагая, что «набор грамматических категорий глагола является далеко не одинаковым в разных языках» [1, с. 104].

Что же касается трудностей определения характера словосложения в заимствованиях, то они обнаруживаются как в именах, так и в глаголах, в их различного рода сандхи – в состоянии не только морфем, но и звуков на морфемных швах и границах слов, в сандхи внешнем (на границах компонентов сложного слова) и внутреннем (на границах морфем). Сопоставительные материалы татарского и таджикского языков показывают, что сандхи, представляющее внешнее и внутреннее соединение одновременно, предполагало распространение звуковых признаков на отрезок

большой, чем фонема, возникновение новых признаков фонемы, утрату фонемы или части ее, выступало как разные виды нейтрализации звука при стяжении и переразложении словосочетания в основном в устной речи, а потом и на письме вследствие ошибочного восприятия звуковой оболочки, особенно заимствуемых слов. Проследим некоторые причины возникновения диареzy-синкопы звука **т**, слияние **п+б** в **б**, **п+к** в **кк**, исчезновения изафетного показателя **и**, сокращения числа морфемных швов и т. д. в соответствиях, представляющих те или иные виды словосочетаний: тадж. **дусту душман** > тат. **дус□-дошман**, тадж. **дуст ва душмон** > тат. **дус□вэ дошман**, тадж. одами **дурусткирдор/дурусткор** > тат. **дөрес□кеше благородный, честный, порядочный, добросовестный человек**, тадж. **дастнавис** [дас□навис] *рукопись* > тат. □, дослов. *калька кульязма*; тадж. **дуруст кардан** [дурус□кардан] *поправлять* > тат. **дөрес□ләнү**; тадж. **дуруст шудан** [дурус□шудан] *поправляться, выздоравливать* > тат. перен. **дөрес□ләнү** *омыться, совершить омовение обряд очищения водой перед намазом у мусульман*; тадж. **рост кардан** [рос□кардан] *выправлять* > тат. □, *соответствие отсутствует*, ; тадж. **рост шудан** [рос□шудан] *выпрямлять* > тат. □; тадж. **болон об** или **болони оби** *верхнее течение реки, водного пути* > тат. **Бәләбәй**, *геогр. название*; тадж. **санъи дами дар** > тат. **сәндәрә** *полати, сооружение* спальное и сушильное между печью и стеной у (около, возле) *двери в деревенском доме*; тадж. **нукра серебро, нукрадор содержащий серебро** (о составе воды), **нукраранг серебристый** (о цвете воды) > тат. **Нукрат** *второе назв. реки Вятка перед впадением ее в Каму, Нократ то же самое в некоторых диалектах*; тат. алып килү > а[лы]п килү > апкилү; алып бару а[лы]п бару > аббару > абару и т. д., позиционные изменения звуков как внутренние процессы самого татарского языка, охватывавшие все категории словосочетаний, состоящих из исконной или заимствованной (не важно какой) лексики.

Взаимодействие тюркских и иранских языков в области словосочетаний, предложений, блоков, представлявших совокупности, группы, целостности отдельных функционально объединенных элементов, привело к возникновению в татарском языке ряда глаголообразующих суффиксов, являющихся ныне реликтовыми (пережиточными) с точки зрения генетики, но все еще продуктивными в плане словообразования; таких, как: **-ла/-лә**, представлявшего генетически слог **-лю** в ир. полнозначно-модальном **лосим, лосим аст** *надо, нужно, необходимо* в строениях типа англ. **лосим (лосим аст)** > **аң+ла-у, -рга (кирәк)**; **-сыт/-сет, -сат/-сәт, -шат/-шәт**, фонетические варианты соответствующие ир. полнозначному **сит**, употребляемому в конструкциях типа **сит ўро буд кир шудан (намудан)** *честь его (ее) была унижена, оскорблена, уничтожена*, в которых тадж. **кир III** *уничтожение, поголовное истребление* равно тат. **кыр-у, -ырга**; тат. **кырып себерү, кырып салу, кырып түгү**; тадж. **кир III** и тадж. книжн. **сит** *слава, честь, достоинство, доброе имя человека* вместе взятые равны тат. **кыерсыт -у-, -ырга** *уничтожать человека моральными и физическими способами*; **-сын/-сен, -шын/-шен**, фонетические варианты произошедшие от ир. полнозначного **сон** *счет*, в образованиях типа тадж. **кам мало** + тадж. **сон** [идан] > тат. **ким сан -ау, -арга** > **кимсен -ү, -ергә** *считать себя ниже, хуже других*; **-кар/-кәр, -гар-гәр, -гыр-гер, -кыр-кер**, диал. **-кыз-кез, -гыз-гез**, фонетические варианты произошедшие от ир. вспом. гл. **кардан** *делать, совершать* (см. заодно и удм. вспом. **карыны**), употребляемого в композициях типа тюрк., тадж. **бош голова**, начало + тадж. **кардан** *делать, совершать* > тат. **башкар -у, -ырга** *делать, совершать, выполнять* (дело, работу); тадж. **от[ил]** *негодный, непригодный, бесполезный*, тадж. **от[ил]** **кардан** *утилизировать* (рус. утиль, утиль-сырье, утильный, утилизировать, утилизация; тат. утиль, утиль-сырье, утильләштерү) > тат. **ат-у, атып бәрү ыргы-**

ту (эйберне кәч белән читкә ташлау), **аткар-у, -ырга** *быстро и с пользой продать или просто отдать кому-либо лишний товар, ненужную вещь* [4, с. 301, 308].

Наблюдения показывают, как много фундаментальных (глубинных, первостепенной важности; претерпевших серьезные изменения с точки зрения вторичности и малости того, что сохранилось, уцелело и дошло до нас, по сравнению с тем, что было, находилось, имелось в производящем материале; субклеточных, субъядерных, субпродуктовых, субтитровых, если можно выразиться так в лингвистике) языковых фактов таят в себе одни личные имена иранского происхождения, унаследованные татарами, башкирами в готовом виде (субстратно) от ираноязычного населения, живущего на сопредельных территориях, по соседству в доисторические и исторические времена. При вводе этих имен в тюркский обиход питательной средой служила (помимо относительно древних и передвигавшихся сакской, тохарской систем) таджикско-персидская система личных имен, в которой сложные имена с двумя, тремя и более компонентами были преобладающими, а изменения имен от более сложного к менее сложному были процессами, организованными в том смысле, что они при всех формациях в развитии общества, при всех системах взглядов, всяком складе жизни, на всех ступенях развития самих личных имен контролировались, были сознательными большей частью (не стихийными преимущественно) процессами, при языческих религиях на них влияла так или иначе та вера, которая считалась главной в том или ином божестве, при монотеистических религиях – они зависели от тех ценностей, которые были в почете (с незначительными отклонениями во вкусах сословий в выборе имен) у белого (немонашеского) и черного (монашеского) духовенства, вели систему в целом не к упадку, а к обновлению, распространению.

К примеру, первоначально это были до некоторой степени повествовательные, опи-

сательно-предикативные имена, состоявшие из нескольких нарицательных элементов типа **писар мар II ўро яке хуб руй некий его (ее) сын хороший красавец, духтар мар II ўро яке хуб цамол некая его (ее) дочь хорошая красавица**, в которых элемент **мар II** играл роль частицы, ставившейся перед местоимениями 3-го лица ед. и мн. числа **ў, онхо**, оформляемыми послелогом **-ро (ўро, онхоро)** или перед именами родителей новорожденного, оформляемыми тем же самым **-ро** (Бахреддинро, Радчаморо), в смыслово-формальном отношении представлявшими то же самое, что и *его (ее), их*.

Под воздействием устно-разговорной речи местоимения **ўро, онхоро** утрачивались как лишние (избыточные) промежутки в имени человека, уходили в прошлое, превращаясь в архаизмы. Становятся ненужными, сами по себе разумеющимися явлениями подробности **писар** (тат. **угыл, ул II, ир бала**).

В классическом, книжно-литературном, стало быть, языке, почитаемом духовенством особенно при наречении ребенка, в торжественной обстановке. **Мар I** в таджикском, например, – уже устаревшее слово, обозначает счет, число, что в свою очередь наводит на мысль о том, что **мар II** появилось на его именной базе в качестве слова, выражавшего вместе с числ. **якум, дуюм, сеюм, первый, второй, третий** и т. д. порядковый номер родившегося в семье ребенка.

Духтар (тат. **кыз, кыз бала**), родительские имена (Бахреддинро, Радчаморо), слово **яке**, состоявшее из числ. **як один** и суффикса **-е**, суффикса, в одном случае скорее единичности и выделительности, чем неопределенности (в таджикском, например), слово ремывделительное и выделительно-ограничительное, вычитывавшее и вытеснявшее из состава имени тематические элементы, как таковое добавлявшееся к имени конкретного лица, к словам **Писар, духтар** регулярно, до поры до времени.

Так, в сложном иранском личном имени, пространном и развернутом в своих истоках,

в поле зрения и центре внимания оставались только те части, которые передавали, правда, тоже не новейшую, а ту же самую нарицательно-апеллятивную с точки зрения ее известности и традиционности в языке, но тем не менее относительно новую и значимую в плане ее ожидаемости, желательности информацию о внешних и внутренних чертах родившегося человека – это элемент **мар II**, апеллятивы типа **хуб, руй, чамол**, выступающие в таких более причудливых и соответствующих вкусу родителей, родных и близких сочетаниях-фантамах, как **Мархуб-чамол, Мархубьямал** *душевная, хорошая, красавица, Марзиё* *свет, блеск, сияние, Марғуба* *любимая, возлюбленная, желанная, Мархабо* *добро пожаловать!, пожалуйста! Bravo! Очень хорошо!..*

Вскоре, когда в имя, в его первую, вторую, центральные части начали вводиться уже и другие не менее важные, дополнительные и, как правило, модные компоненты типа **би, нисоь, нур, (нор), чон, хон, гул, зода, андол** и т. д.*, усложняющие имя как по смыслу, так и формально, частица **мар II** начала отделяться от имени и отбрасываться. В таких ситуациях образовывались имена без нее, типа Чамолби, Гулцон, Гулчамол, Гулнор, Хуббинисочь, Бибинисочь, Миннисочь, Зебонисочь, Бибинур, Нурдида, Гулнор, Гулзода, Бадеьгул и т. п., что привело к тому, что происхождение и смысл **мар II** постепенно, оставаясь в далекой древности, забывались и сейчас требуют специального изучения. Неясна, в большем тумане находится судьба частицы **мар II**, фигурировавшей несомненно и в мужских именах.

Из личных имен татар видно, что в таджикско-персидской системе личных имен параллельно с **мар II** функционировали и такие классические препозитивные элементы, как **мир-, мин-, хама-, абд-** и т. д. При всем этом число людей, интересующихся их этимологией (происхождением, значением, степенью первозданности, слитностью или раздельностью с именем), к сожалению, шло

на убыль особенно среди непривилегированных слоев населения. Из примеров следует, что оттого на современном этапе жизни морфемный и словообразовательный анализ имен, содержащих иранские следы, тоже подвержен наибольшему риску действовать ошибочно. Дело, во-первых, в том, что при нем полнозначные или служебные изначально, но грамматикализовавшиеся со временем и ставшие префиксами, суффиксоидами **мар II-, -хуб-, хама-, зебо-, -зебо, нисоь, гул-, -гул, -чон, мин-, абд-, -ёр** и т. д. выделяются лишь как цельнооформленные (монолитные) по степени слитности с корнем элементы уже не сложных, а произвольных основ. Во-вторых, при этом зачастую корневой элемент выделяется как аффиксоид, а аффиксоид в свою очередь как корень. Например, в женском имени **Зебонисоь** *красивая женщина зебо-* – как корневой, основной элемент имени, что, с точки зрения генетики и эволюции самого сложного слова, ошибка, равносильная отнесению определения к главному звену словосочетания. В мужском имени **Зебоир** *красивый мужчина зебо-* вообще не выделяется, поскольку это имя у татар бытует в произношении и написании **Зёбэер**, не по аналогии с **Зебонисоь**, как положено. В именах **Нэжит, Нэжибэ** (< **ноzeb, нозебо** *некрасивый, -ая*) постпозитивное присутствие **-zeb, -зебо** в сильно искаженном виде даже не поддается. Имена **Хэмадинеса, Хөппениса, Бэдигыль** относятся к числу имен, оставаемых при различного рода анализах в тени, так как они, с одной стороны, выглядят именами устаревшими, вышедшими из моды, с другой стороны, их составляющие **хама-, -доно-, -нисоь, хуб-, -би-, бадеь-, -гул** отделились от своего первоначального состояния настолько, что их невооруженным глазом обнаружить и отнести к компонентам сложного имени уже, действительно, невозможно, они видоизменены или искажены во все, в длину и ширину.

Общеизвестно, что словесники татарских школ, вузов на подобную специфику всех этих

категорий татарских сложных имен и глаголов не обращают ни малейшего внимания, не включают подобные сложные явления в материалы морфемного и словообразовательного анализа, дабы не усложнить этот анализ, во имя благой цели упростить его всеми силами во что бы то ни стало, а само упрощение выдать намеренно за истинный, единственно правильный с точки зрения лингвистической и методической точки преподавания татарского (в данном случае!) языка. Не секрет, что они сами об этих явлениях знают тоже очень мало.

Выход из создавшегося положения был бы, на наш взгляд, возможен, если бы учителя, преподаватели сами не только на словах, но и на деле осознали, что знание языка необходимо прежде всего для совершенствования мыслительных способностей подрастающих поколений людей (дома, в садиках, школе, вузе), потом – всех остальных возрастных и социальных слоев населения, всех сословий общества всюду, без исключения. Для этого важно изменить многое в преподавании языков, в обучении им серьезнее, чем это имеет место сейчас, подходить к подготовке филологов (практиков, теоретиков) на соответствующих факультетах вузов, всемерно усиливать принцип историзма и научности в преподавании русского языка как государственного (потому что он как таковой, как родной и единственный для большей части населения страны во все времена будет стоять во главе угла), затем – родных языков нерусских народов (изучающих русский и иностранные языки сопоставительно, контрастно с большим желанием и интересом), срывать все и всяческие маски, существующие в этой проблеме; совершенствовать все известные виды языкового разбора, внедряя в них методы и приемы этимологического (пока еще отсутствующего в школах и вузах) разбора, снабжая программы и учебники сведениями о выводимости (эндоцентризме) и невыводимости (экзоцентризме) значений и грамматических функций как сложных, так и всяких других категорий яв-

лений из их компонентов. В частности, пополняя эти пособия сведениями о том, что: 1) у соединения **кьер-сыт-у, (-ырга)**, эти значения и функции выводимы, проистекают из семантики и форм полнозначных *ир. кир III + ир. сит, + тюрк. -у (ырга)*; а у соединений **как-шат-у, (-ырга), каг-у, (-арга), кад-ак-ла-у, (-рга)**, у которых не устанавливается с первого взгляда происхождение корневых элементов **как-, каг-, кад-**, они выводимы только исходя из опыта владения человеком татарским языком, эмпирически, фактично, на основании учета лишь того, что действительно (документально, словарно, грамматически) имеется в данный момент в татарском языке, без привлечения к восприятию и познанию слова предшествовавших опыту и последующих за ним заключений и теоретических обобщений, истории становления и развития слова; 2) выделяемые по характеру синтаксических отношений компонентов сложные слова бывают – а) сочинительными (т. е. копулятивными), подчинительными (т. е. детерминативными), б) предикативными (если предшествовавшее сложному слову словосочетание представляло предикацию типа тадж. **анг лозим аст** > тат. **анларга, анлау кирэк**), в) монолитными или отдельными структурами по отношению к прежним своим структурам; г) тематическими соединениями, состоящими из элементов, связывающихся друг с другом с помощью специальных основообразующих показателей-интерфиксов, дефиса не имеющих значения и морфемного статуса, как в случаях тадж. **торумор** > тат. **тар-мар**; тадж. **кайфу сафо** > тат. **кәеф-сафа**; атематическими соединениями, в которых связь основообразующих элементов выражена нулевым интерфиксом, как в случае тадж. **кайф □ чоқ** > тат. **кып □ чак** *веселый, благодунно настроенный*, выражена смешанно, в источнике изафетным показателем – **и** и синтаксически, как в случае тадж. **дашти/дешти кайфчок**, в реципиенте без изафетного показателя, но тоже изафетно (притяжательно) и синтаксически, как

в случае тат. **дала** □ **кыпчагы**, в источнике интерфиксоле, в реципиенте притяжательно, как в случае тадж. **куукижи** > тат. **аккош нәселеннән чыккан кеше**, дефисом и нулевым аффиксом, как в случае **кайфу сафо кардан** > тат. **кәэф-сафа кор-у, -(ырга)** [3, с. 176, 192, 193, 378, 397, 473, 489].

Кроме того, для успешной работы над именами и глаголами иранского происхождения в частности, над заимствованиями вообще в татарских школах и вузах одного словарного, лексиколо-лексикографического (собирающего, накопительного по сути) подхода к делу далеко недостаточно. Он может вылиться в простую и монотонную констатацию наличия тех или иных неисконных явлений в изучаемых текстах и только, что само по себе важно, значимо, первостепенно особенно на первых порах, но ведет обучение языку в никуда, не цементирует его с точки зрения его целей и задач (мотивов), с точки зрения того, что надо бы, можно было бы сообщать неподпечным вообще по интересующей теме, ее проблематике. Во избежание этого еще на вводных занятиях необходимо сказать учащимся, студентам, что происхождение, история становления и развития татарского языка и этноса научно не установлены, выяснение их остается большой нерешенной проблемой, упирающейся в изучение древнего состояния татарского языка по его памятникам, в доскональное знание его ранних и поздних контактов, например, контактов с иранскими языками как относительно ранних, имевших свои периоды, территории, в доказательство его ассимилированности в той или иной степени и исторической самобытности.

Работая в таком ракурсе и изучая одновременно то, что положено по программе и учебникам, школьники и студенты обязаны обогащать свое лингвистическое словоупотребление (лингвистическую терминологию и лингвистическое мышление) понятиями языковой контакт, обычное заимствование, субстрат, пиджин, креол и т. д., учиться наблюдать, выделять, анализировать иноязыч-

ные явления, приходиться к умозаключениям, делать выводы. Если в плане сказанного сосредоточиться на результатах ранних тюркско-иранских языковых связей (как известно, рассматриваемый нами татарский – один из тюркских языков), то они не оставят никого равнодушным... Примерно так мы настраиваем своих подопечных на работу над иранизмами татарского, тюркизмами иранских языков. Когда объектами наблюдений становятся именные и глагольные языковые соответствия, говорим, что из иранских языков татарским были заимствованы в свое время все типы простых, производных, сложных имен и глаголов (образцы, типические комбинации). Слитное или раздельное написание сложных соединений в тюркских языках проходило в два-три этапа. Например, в татарском композит **кәэф-сафа кор-у, -(ырга)** *наслаждатся, ведя нередко беспечный образ жизни, эчеп-типтереп яшәүдән гыйбарәт ваемсыз тормыш* возник не сразу, сперва был заимствован его основной (именной) элемент **кәэф-сафа**, с течением времени, спустя к нему приплюсовался всп. гл. **кор-у, -ырга**, произошедший тоже от ир. **кор I** *дело, работа, занятие* [4, с. 192]. От ир. **ғавғо** > тат. **ғауға** *ыгы-зыгы, суета, шум, каты бахәс, талош старания, попытки, поиски, хлопоты, беспокойство; борьба, тяжба; спор, драки*; ир. **ғавғо кардан** *шуметь, затевать опасный спор, а то и драку*; ир. **талош кардан** *стараться, попытаться, добиваться, скандалить, бороться, драться*, ир. **ғавғоу талош, ғавғоу кардан** в татарском языке позднее возникли в отдельности **ызгыш, талаш ызгышырга, талашырга**, еще позднее **ызгышырга-талашырга, ызгышу-талашу** *скандал, шум, крики, ссора...*

В освоении таких образований в татарском языке играла роль **фиксированность** порядка их компонентов, возможность-невозможность нарушения этого порядка при переносе явления из языка в язык, калькировании его с сохранением или без сохранения значений как компонентов, так и всего слож-

ного слова. Одним из факторов, влияющих на усвоение заимствований, было ударение, главное и дополнительное, зачастую одинаковое для контактировавших языков (в данном случае для татарского и таджикского). И еще. Сопоставительный обзор словообразовательных отношений сложных имен и глаголов татарского языка, главным своим составляющим содержащих нечто от **кор I** *дело, работа, занятые, кор II* *кусок, штука, коридан сеять, засеять, сажать, кир I* *возвышенность; холм, покрытый мелкими камнями; выступы и возвышенные места в горах, кир II* *смола; вар; перен. черный, кир III* *уничтожение, поголовное истребление*, показывает, что эти соответствия ни в языке-источнике, ни в реципиенте на первых порах не были специфически предикативными словами (вербумами, вербоидами), наделенными всеми характерными для этих категорий слов признаками:

знаменательностью, служебностью, вспомогательностью, глагольным управлением с одной стороны и именным склонением – с другой (т. е. герундием). От общих для языков корней и аффиксов первоначально происходили преимущественно именные, развивающие в себе полисемию и омонимию основы. Глагол как часть речи, выражающая грамматическое значение действия (подвижности, реализующейся во времени) и функционирующая по преимуществу как сказуемое образовывался в разных темпах лишь вслед за именем (сущ-ым, прил-ым), противопоставляясь ему где-то четко, где-то нечетко своим формообразованиям (спряжением) и набором грамматических категорий (глагольность и вербоидность, временем, видом, наклонением, залогом, валентностью, личностью и безличностью; переходностью и непереходностью, динамичностью и статичностью).

ПРИМЕЧАНИЕ

* В татарском произношении би, ниса, нур (нар), жан, хан, гөл, зада, эндәм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю. С. Глагол // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. А–Я. 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
3. Таджикско-русский словарь / под ред. М. В. Рахими и Л. В. Успенской. М.: Госиздат иностр. и национ. словарей, 1954. 789 с.
4. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Баш. Ред. профессор Ф. Ә. Ганиев. Казан: «Матбугат йорты» нәшр., 2005. 849 б.

SPISOK LITERATURY

1. Maslov U. S. Glagol // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990.
2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka. A–Ya. 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk, Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: ООО «ITI Tekhnologii», 2007. 944 s.
3. Tadjhiksko-russkiy slovar'. Pod red. M. V. Rakhimi i L. V. Uspenskoy. M.: Gosizdat inostr. i natsion. slovarey, 1954. 789 s.
4. Tatar telenen anlatmaly suzlege. Bash. Red. professor F. E. Ganiyev. Kazan: «Matbugat yorty» neshr., 2005. 849 b.